

приоритет

Аналитический доклад «Цифровизация международного гражданского процесса»»

Авторский коллектив:

Терентьева Людмила Вячеславовна – профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н.

Засемкова Олеся Федоровна – доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

СОЦИОПРАВО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ I. ЮРИСДИКЦИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СПОРОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.....	5
РАЗДЕЛ II. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОРЯДКИ НАПРАВЛЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СУДЕБНЫХ ПОРУЧЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	22
РАЗДЕЛ III. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРИЗНАНИЕ ДОКУМЕНТОВ, СОСТАВЛЕННЫХ И ВЫДАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВА, НА ТЕРРИТОРИИ ДРУГОГО ГОСУДАРСТВА: ИНИЦИАТИВА ПО ПЕРЕХОДУ НА ЭЛЕКТРОННЫЙ АПОСТИЛЬ (E- APP)	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	53

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее значимых тенденций развития в XXI веке является цифровизация, которая из механизма вычислений превратилась в «цивилизационную основу», кардинально трансформирующую все сферы общественной жизни и оказывающую существенное влияние на развитие всех отраслей права, включая гражданское процессуальное и международное частное право.

Особое влияние цифровая трансформация оказывает на международный гражданский процесс, что проявляется в особенностях определения юрисдикции по рассмотрению трансграничных споров, внедрению цифровых технологий в порядок направления и исполнения трансграничных судебных поручений, а также внедрении информационных технологий в процесс признания документов, составленных и выданных на территории одного государства, в другом государстве, и, как следствие, переходе на электронный апостиль.

В связи с этим, в настоящем Аналитическом докладе авторами представлен обзор некоторых правовых проблем и тенденций, свойственных международному гражданскому процессу в условиях цифровой трансформации, и обозначены возможные векторы их решения.

Хочется надеяться, что проведенный авторами анализ послужит хорошим стимулом для дальнейших интересных научных дискуссий и будет полезен для исследователей, практикующих юристов, студентов и аспирантов, а также для тех, кому небезразлично будущее международного гражданского процесса в условиях цифровой реальности.

РАЗДЕЛ I. ЮРИСДИКЦИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СПОРОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Ввиду постоянного эволюционирования цифровизации вопрос о жизнеспособности сложившихся на том или ином историческом этапе правовых традиций в условиях присущих данному этапу технологических изменений будет неизменно актуален. Актуальность обуславливается также необходимостью сохранения баланса, диалектического единства между сложившимися традиционными устоями права, обеспечивающими определенную преемственность и стабильность общественного развития, и новациями, целью которых является обеспечение технологического, социального, экономического прогресса. Традиции не должны полностью подминать собою новации, равно как и новации не могут полностью опровергать уже сложившиеся традиции.

Если говорить о традициях науки международного частного права, то проблему в фокусе цифровизации на сегодняшний момент можно увидеть в определенном противоречии между территориальным характером традиционных для данной отрасли категорий – коллизионных и юрисдикционных привязок и внетерриториальной, виртуальной природы киберпространства. Юрисдикционные привязки, закрепленные в основаниях установления международной судебной юрисдикции, позволяют решить проблему выбора надлежащего суда для разрешения спора, вытекающего из трансграничного частноправового отношения. Коллизионные привязки, являясь структурной частью коллизионной нормы, содержат указание на право, подлежащее применению к частноправовым отношениям, осложнённым иностранным элементом.

Формулы прикрепления, заложенные в основе коллизионной привязки, равно как и основания установления международной судебной юрисдикции, всегда пространственно-ориентированы.

Так, поиск применимого права осуществляется на основе таких формул прикрепления, как место причинения вреда; место наступления вредоносных последствий; место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора; право страны места совершения сделки; и т.п. Основания подсудности (юрисдикционные привязки) похожи по принципу формулирования на коллизионные привязки: место нахождения ответчика/истца; место исполнения договора; место причинения вреда или наступления вреда; и т.п.

В случае взаимодействия сторон в цифровом формате, возникает проблема, что можно считать местом совершения сделки, если, например, offerent получил акцепт от акцептанта, находясь в одной стране, зарегистрировано его предприятие в другой стране, административный центр находится в третьей, а осуществление деловых операций происходит в четвертой. Кроме того, не вполне ясно, если деятельность имела место исключительно в сети Интернет, каким образом можно определить, в какой юрисдикции она имела место, и можно ли относить те или иные сегменты киберпространства к территории.

Пространственная ориентированность юрисдикционных и коллизионных привязок и внетерриториальность цифровой среды ставит вопросы, требующие своего решения в публично-правовой плоскости, а именно в международном публичном праве и конституционном праве, которые оперируют такими категориями как юрисдикция и территория государства.

Понятие «юрисдикция государства», «территория государства» являются системообразующим, исходным началом понимания пределов пространственного действия оснований установления судебной юрисдикции и коллизионной нормы, что обуславливает необходимость привлечения категориального аппарата международного публичного права, без обращения к которому решение вопросов международного частного права невозможно.

В международном публичном праве юрисдикция и суверенитет, являются глубоко пространственными теоретическими категориями, что стало причиной появления многочисленных исследований, порою спекулятивных, где оспаривалась устойчивость данных конструкций во внетерриториальном киберпространстве.

Трудности объективирования киберпространства определенными физическими параметрами способствовали появлению тезисов о неэффективности географической территориальности в международном праве и ослаблении государственных границ¹. Были также сделаны предположения о необходимости создания правовой системы, основанной на саморегуляции, ввиду отсутствия возможности осуществления сувереном своей власти в киберпространстве, не имеющем границ².

Здесь следует отметить, что внетерриториальный характер киберпространства не должен преувеличиваться, так как киберпространство является многоуровневым, имеющим помимо виртуального также логический, физический и социальный уровни. Определение границ государства в отношении технического компонента киберпространства, физически находящегося на территории соответствующего государства не вызывает сомнений. Физическая часть киберпространства представляет собой программно-техническую инфраструктуру, включающую телекоммуникационные сети, компьютерные системы, серверы, маршрутизаторы, процессоры, спутники, коммутаторы и кабели, которые создают и активируют киберпространство. Логический (виртуальный) уровень представлен операционными системами, стандартами передачи данных, аппаратными приложениями, программным обеспечением,

---

¹ Ансельмо Э. Киберпространство в международном законодательстве: опровергает ли развитие Интернета принцип территориальности в международном праве? // Экономические стратегии. 2006. №2. С. 24-31; Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М.: Книжный дом Университет, 2007. С. 218; Benyekhlef K., Gelinat F. The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the Digital Environment // UNESCO Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. № 4. P. 7; Kobrin S. Electronic cash and the end of national markets // Global Issues. 1997. Vol. 2(4). P. 65-77.

² Johnson D. Post D. Op.cit.//URL:<https://cyber.harvard.edu/is02/readings/johnson-post.html>; Самарин А.А. Экстерриториальное действие права: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2016. С.13.

позволяющих передавать данные между частями его физической инфраструктуры.

Что касается социального уровня, где, собственно, и реализуется коммуникация, то здесь у киберпространства границы весьма условны.

Условность таких границ имеет свои последствия, а именно несанкционированное расширение сферы применения законов одного государства в отношении другого государства. Речь здесь в большей степени идет о законах публично-правового характера, что свидетельствует о расширении экстратерриториальной юрисдикции одного государства в отношении другого, реализуемой без санкции последнего государства.

Многие государства, в том числе и Россия, впоследствии приняли ряд законов, блокирующих неблагоприятные последствия от деятельности в киберпространстве.

В частности, в РФ был принят комплекс законов, которые часто называют обобщенно законы о локализации данных. Так, ФЗ РФ № 152-ФЗ «О персональных данных» 2006 г., ФЗ РФ № 126 «О связи» 2002 г. вводят обязанность крупных компаний в сфере информационных технологий (в т.ч. иностранных) хранить на серверах в России не только данные профилей пользователей, но и всю историю их переписки, звонков, публикаций. ФЗ РФ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» 2006 г. предусматривает возможность ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона.

Но об элиминировании проблемы экстратерриториального распространения юрисдикции говорить пока не приходится. Здесь следует отметить определенную семантическую неустойчивость понятий «территориальность» и «экстратерриториальность». Как отмечено нидерландским профессором С. Рингаертом, то, что одно государство может посчитать территориальным проявлением юрисдикции, другое сочтет за экстратерриториальное³.

---

³ Ryngaert C. Introduction: Port State Jurisdiction: Challenges and Potential //The International Journal of Marine
8

Экстратерриториальное проявление юрисдикции не является чем-то принципиально новым и обсуждалась еще до масштабного использования ресурсов киберпространства. Тенденция расширения оснований проявления экстратерриториальной юрисдикции сложилась преимущественно в США, которые играют ведущую роль в распространении своего законодательства за пределы государства. Сейчас этот процесс продолжается особенно в эпоху введения односторонних ограничений против физических и юридических лиц из других стран (например, России, Ирана, КНДР).

Один из первых экстерриториальных законов США - «Антимонопольный закон» США Закон Шермана (или Акт Шермана), принятый в 1890 г., а также принятый позднее закон «Об улучшении антимонопольного регулирования внешней торговли» 1922 г., внесший поправки в закон 1890 г. В соответствии с п. 3 пар 8 ст. 1 Конституции США, Конгресс США имеет право принимать законы, имеющие сферу действия за пределами территориальных границ Соединенных Штатов⁴.

В эпоху высокой пропускной способности Интернета, когда существенным образом упростились механизмы трансграничной передачи данных, список экстратерриториальных американских законов пополнил «Акт, разъясняющий законный доступ к данным, находящимся за рубежом (Облачный акт)» 2018 г.⁵

Облачный Акт предусматривает доступ правоохранительных органов США к данным интернет-пользователей за рубежом и допускает возможность заключения двухсторонних соглашений с иностранными государствами, позволяя их правоохранительным органам напрямую запрашивать данные у американских компаний, минуя традиционные механизмы договоров о взаимной правовой помощи. В соответствии с § 2713 данного Акта

---

and Coastal Law.2016 № 31. P.379–394.P. 381. Buxbaum H.L. Territory, Territoriality, and the Resolution of Jurisdictional Conflict// American Journal of Comparative Law. 2009. Vol. 57. 631–675 p. P. 635.

⁴ The Constitution of the United States//URL: <https://constitutionus.com/>.

⁵ H.R.4943 — 115th Congress (2017-2018)//URL:<https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4943/text>.

провайдеры услуг электронной связи или провайдеры удаленного вычислительного обслуживания обязаны сохранять, осуществлять резервное копирование, раскрывать содержание беспроводной или электронной коммуникации, а также любую запись или иную информацию клиента или абонента провайдера независимо от того, находится ли такая коммуникация, запись или другая информация в пределах или за пределами Соединенных Штатов⁶. Правоохранительные органы США могут направить запрос на получение к данным интернет-пользователей, которые хранятся за пределами американской юрисдикции в связи с проводимым расследованием. Запрос направляется непосредственно в компанию, обладающую такой информацией, которая вне зависимости от того, где она находится, обязана предоставить по запросу соответствующую информацию. При этом запрет передачи данных законодательством местонахождения данных компаний не может являться единственным основанием для непредоставления данных американским властям.

Практика судебных дел в отношении применения Облачного акта продемонстрировала успешность предусмотренного в нем механизма. Так, в делах *United States v. Facebook, Inc.*⁷ *United States v. Google LLC*⁸ суды США подтвердили законность доступа правоохранительных органов США к данным, находящимся за рубежом.

Основную тревогу Облачный акт вызывает в тех юрисдикциях, преимущественно это страны Европы и Северной Америки, где широко используются услуги крупных облачных провайдеров, инкорпорированных в США. Так, например, в противоречие с Облачным актом вступает ст. 48 Регламента Европейского Парламента и Совета ЕС 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (далее –

---

⁶ H.R.4943 — 115th Congress (2017-2018)//URL:<https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4943/text>.

⁷ 328 F. Supp. 3d 279 (E.D. Pa. 2018)// https://scholar.google.com/scholar_case?case=2708623901654474337.

⁸ No. 19-3178 (2d Cir. 2021) // https://scholar.google.com/scholar_case?case=1234567890

Регламент)⁹, которая предусматривает, что передача или раскрытие персональных данных может осуществляться только если они основаны на международном соглашении, таком как договор о взаимной правовой помощи, действующий между запрашивающей третьей страной и Евросоюзом. Облачный закон, таким образом, серьезно подрывает требования Регламента, позволяя США потенциально получить доступ к данным, которые хранятся на европейской территории или поступают от европейских граждан и компаний, при условии, что эти данные управляются поставщиком в соответствии с американским законодательством,

Для стран, в которых предусмотрена обязательная локализация данных (Россия, Китай), такого рода риски существенно снижены. В этой связи, одним из инструментов против устранения юрисдикционных барьеров в киберпространстве является определенная цифровая изолированность или четкая фрагментация цифрового пространства по линии национальных границ.

В то же время экстратерриториальная сфера действия законов о персональных данных стала общей мировой практикой. В ст. 3 Регламента ЕС раскрывается как территориальная, так и экстратерриториальная сфера его распространения в зависимости от того, учреждены ли контролер или лица, обрабатывающие персональные данные, в Европейском союзе.

В РФ Закон о персональных данных 2006 г. применяется к обработке персональных данных граждан РФ, осуществляемой иностранными юридическими лицами или иностранными физическими лицами, на основании договора, стороной которого являются граждане РФ. Китайское законодательство о персональных данных обладает четко выраженным экстратерриториальным действием, которое выражается в защите данных китайских граждан независимо от того, где находится компания, их обрабатывающая (Закон КНР о защите персональной информации 2021 г.)¹⁰.

---

⁹ General Data Protection Regulation (GDPR)//GDPR Archives - GDPR.eu.

¹⁰ <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a172bb753fe.shtml>

Тенденция расширения экстратерриториальной юрисдикции в условиях цифровизации ставит вопрос о допустимых пределах ее распространения за пределами национального государства.

В этой связи оправданной представляется позиция в зарубежной доктрине о том, что на сегодняшний день дисциплина международного права функционирует на основе устаревшей пространственной парадигмы¹¹. Но говорить о том, что наступил «конец территории государства» не приходится, поскольку физическая территория, безусловно, имеет свое правовое значение. В то же время признание данного факта не отменяет озвученные проблемы, поставленные перед международным правом в отношении необходимости дополнительной организации пространства как основы, построенной вокруг стабильных, фиксированных единиц государственной территории, «над которыми» осуществляется суверенитет.

Когда речь идет о территории государства, то здесь подразумевается не абстрактная географическая единица, а пространство, в отношении которого устанавливается государственный суверенитет.

В соответствии с ч.1 ст. 67 Конституции РФ под территорией понимается территория субъектов РФ, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. В ст. 4 Конституции говорится, что суверенитет РФ распространяется на всю территорию. Таким образом, установление суверенитета государства в отношении информационно-коммуникационного пространства в Конституции РФ не предусмотрено.

Определенная территориализация или «заземление» киберпространства может быть усмотрена в российских нормативных актах. Так, в Приказе Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 29 июля 2019 г. N 216 предложена концепция доменных имен, входящих в российскую, национальную, доменную зону (а) домен верхнего уровня .RU; б) домен верхнего уровня .РФ; в) домен верхнего уровня .SU; г) иные домены верхнего уровня, управление которыми

---

¹¹ Lithgoe G. The Rebirth of Territory. Cambridge university Press. 2024. P. 8.

осуществляется зарегистрированными на территории РФ юридическими лицами, являющимися зарегистрированными владельцами баз данных указанных доменов в международных организациях распределения сетевых адресов и доменных имен¹².

В судебной практике также определенным сегментам киберпространства придается значение территории.

В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. N 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» при применении п. 9 ч.1 ст. 247 АПК РФ под спорами, возникшими из отношений, связанных с государственной регистрацией имен и других объектов и оказанием услуг в международной ассоциации информационно-телекоммуникационных сетей «Интернет» на территории Российской Федерации, следует понимать в том числе споры, связанные с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, товаров, работ, услуг и предприятий, использованные при регистрации доменных имен в российской доменной зоне (национальные домены первого уровня и доменные зоны второго уровня, ориентированные на российскую аудиторию либо включающие сайты на кириллице), а если регистрация осуществлена на территории Российской Федерации (регистратором выступает российское лицо), то и в иных доменных зонах.

Возможность дальнейшего переосмысления содержания понятия «территория» в доктрине международного публичного права обусловлено тем, что по мере исторического развития содержание данного понятия не являлось статичным. В результате воздействия политических, экономических, географических, а также технологических факторов понимание территории

---

¹² Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 29 июля 2019 г. N 216 "Об определении перечня групп доменных имен, составляющих российскую национальную доменную зону"

эволюционировало. Еще в начале XX века определение территории ограничивали исключительно земной поверхностью. Территорию как «пространство земли и воды, подчиненное исключительно верховной власти государства», определял Ф.Ф. Мартенс¹³.

На последующих этапах пространственной динамики территория государства стала охватывать воздушное пространство, пространство континентального шельфа, а также пространства, которые достаточно трудно объективировать. Были определены правовые основания пользования территорий с международным режимом (водные пространства за пределами исключительных экономических зон, Антарктида), со специальным международным режимом на основе международного договора (Антарктика, открытое море, космическое пространство) и т.п.

В трудах по международному праву правовое значение понятию «территория государства» придается в связи с тем, что территориальные единицы (морские и воздушные суда, территориальное море и посольства) в юридическом контексте означают конкретную сферу правовой компетенции, а не географическую категорию¹⁴. Принадлежность территории определенному государству и территориальное верховенство, осуществляемое государством, являются двумя основными признаками государственной территории¹⁵. При этом, правовое значение понятия «территория государства» заключается в определении границ, в рамках которых реализуются суверенитет и полная юрисдикция государства.

Киберпространство, как сфера реализации социальных, экономических и политических отношений, не может быть за рамками суверенитета и юрисдикции государства¹⁶. Фактическая реализация общественных отношений в киберпространстве не позволяет относить его к утопии

---

¹³ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. М.: Зерцало, 2014. С. 252.

¹⁴ Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Книга 1. М.: Прогресс, 1977. С. 185-187; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2001. С. 165–176.

¹⁵ Международное право: учебник/ Под ред. К.К. Гасанова, Д.Д. Шалягина. М.:ЮНИТИДАНА: Закон и право, 2012. С. 172.

¹⁶ Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex Russica. 2019. № 4. С.139-150.

(«нигде»), а именно месту, которого нет, и существование которого в реальности невозможно.

Таким образом, устойчивая связь национальных зон киберпространства с территорией государства вполне может быть положена в основу юридической фикции, в рамках которой предполагается включение определенного сегмента киберпространства в содержание понятия территории.

В то же время проблема юрисдикции в киберпространстве на сегодняшний день получает преимущественно научное осмысление и в международно-правовой повестке не стоит. В связи с чем очерчивание юрисдикционных контуров происходит преимущественно на национальном уровне каждого отдельного государства.

Сложности решения вопроса установления полной юрисдикции государств в отношении киберпространства возникают в связи с децентрализованным принципом управления сети Интернет. В процесс управления Интернетом вовлечены негосударственные национальные организации (Общество Интернета (*Internet Society (ISOC)*), некоммерческая организация по управлению доменными именами и IP-адресами (*ICANN*) и т.п.), а также структур, не являющихся юридическими лицами (Рабочая группа по проектированию интернета (*Internet Engineering Task Force (IETF)*). При этом, несмотря на децентрализованную структуру сети Интернет, доминирующее положение в ее управлении сохраняют США, в зоне юрисдикции которых находятся компании, осуществляющие функции по управлению сетью Интернет¹⁷.

Несмотря на прошедшую в 2016 г. либерализацию вследствие снижения роли США в управлении инфраструктурой Интернета и заявленную ICANN политику управления сетью Интернет по модели мультистейкхолдеризма, а именно с учетом интересов всех участников интернет-сообщества, бизнеса и

---

¹⁷ См.: Терентьева Л.В. Управление киберпространством по модели мультистейкхолдеризма //Право и Экономика. 2019. № 3. С.11-20.

государств, данная корпорация не свободна от определенной политической ангажированности.

Еще в 2022 году Международный регулятор в сфере доменных имен и IP-адресов ICANN отказал Украине на запрос ограничить работы российского сегмента интернета, заявив, что миссия регулятора «... не предполагает применение мер наказания, введение санкций или ограничение доступа к сегментам интернета»¹⁸. Но уже в 2024 году ICANN сделала отчет обсуждения проекта правил приема заявок на новые домены верхнего уровня (New gTLD), согласно которым, заявителей обязывают соблюдать санкции США¹⁹. Тем самым, от участия в новом раунде подачи заявок в 2026 году может быть отрезан ряд подсанкционных российских компаний.

Таким образом, в современную эпоху пространственные пределы юрисдикции государства определяются не только по территориальному контуру, но и на основе гибких оценочных критериев, представляющих собой значимые ключевые интересы государства, в частности, в отношении информации, хранящейся на иностранных серверах, данных, обрабатываемых на территории другого государства, и т.п.

Тенденция пространственной трансформации юрисдикции в международном публичном праве отражается и в специфике установления судебной юрисдикции по рассмотрению споров, вытекающих из частно-правовых отношений с иностранным элементом. На сегодняшний день различия между традиционными системами международной подсудности, устанавливаемой исходя из специфики того или иного территориального критерия постепенно теряет свое значение. Традиционно в науке международного частного права международная подсудность

---

¹⁸ В марте 2022 г. украинский вице-премьер и министр цифровой трансформации М. Федоров обратился с письмом генеральному директору корпорации ICANN Йорану Марби с просьбой отключить корневые серверы DNS в России и отозвать российские домены, такие как .ru, .рф и .su. Ответное письмо было подготовлено исполнительным советом RIPE NCC — одним из пяти региональных регистраторов, в котором было гарантировано бесперебойное предоставление услуг вне зависимости от внутривнутриполитических споров, международных конфликтов, войн// URL: <https://www.ripe.net/ripe/mail/archives/ripe-list/2022-March/002462.html>.

¹⁹ Заявки в ICANN на новые домены должны учитывать санкции США//<https://www.kommersant.ru/doc/7032586?ysclid=mgs2f779vq311122903>.

рассматривалась в трехчастной системе: германская, основным принципом которой является определение судебной юрисдикции на основе места жительства ответчика для физических лиц и места нахождения ответчика для юридических лиц; латинская система, где при определении судебной юрисдикции имеет значение гражданство физических лиц или местонахождение органов управления юридических лиц; англо-американская система, принципы установления которой основаны на возможности установления юрисдикции судов при условии, что ответчику было вручено исковое заявление (Англия) и минимальных контактах ответчика со штатом суда (США). Имеющиеся отличия основных систем установления судебной юрисдикции (континентальная, латинская, англо-американская) в ряде случаев нивелируются в виду того, что свойственное странам общего права гибкое правило тесной связи практически становится общим знаменателем установления судебной юрисдикции.

Практически во всех юрисдикциях гибкие критерии установления подсудности, в основе которых лежит судебное усмотрение, имеют первичное значение по отношению к территориальным критериям в основе которых лежит жесткая привязка в виде «место нахождения», «место исполнения», «место причинения вреда» и т.п.

Так, ст. 11 Закона Бельгии о введении в действие кодекса международного частного права 2004 г. (Law of 2004 holding the code of Private International law Belgium) предусматривает возможность установления юрисдикции бельгийских судов, если дело имеет тесную связь с Бельгией и рассмотрение дела за границей представляется невозможным; или когда неразумно требовать рассмотрения дела за границей²⁰. Согласно ст. 3135 Гражданского кодекса Квебека 1991 г. (Quebec civil code of Quebec 1991), если какой-либо орган власти Квебека обладает юрисдикцией рассматривать спор, он может в качестве исключения и на основании ходатайства стороны спора

---

²⁰ Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / Сост. и ред. В. Плеханов. – М., 2021. С.114.

отказаться от юрисдикции, если он сочтет, что органы власти другого государства лучше подходят для разрешения этого спора. В ст. 3136 Гражданского кодекса Квебека предусмотрено обратное правило, а именно, если орган власти Квебека не обладает юрисдикцией рассматривать спор он может, тем не менее, рассмотреть его при условии, что спор имеет достаточную связь с Квебеком, в случае, когда разбирательство не может быть проведено за границей или когда неразумно требовать возбуждения такого разбирательства²¹. В Общем законе о международном частном праве Уругвая 2020 г. (General law on private international law 2020 Uruguay) в h (3) ст. 57 также предусмотрено установление юрисдикции суда Республики, если дело имеет соответствующие связи с Республикой²².

В 2024 г. в Гражданский процессуальный закон Китая (далее - ГПЗ Китая) были введены поправки, которые существенным образом коснулись вопросов установления юрисдикции китайских судов в отношении споров, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом. Так, в 2024 г. впервые было введено новое основание установления юрисдикции – надлежащая связь (*appropriate connection*) между трансграничным спором и территорией Китая). Основание надлежащей связи также используется при решении вопроса о косвенной судебной юрисдикции иностранных судов при решении вопроса о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений (ст. 301 ГПЗ Китая). Таким образом, китайские суды должны решить вопрос о наличии юрисдикции иностранных судов и согласии с ней китайского суда в отношении конкретного спора в целях решения вопроса о признании и приведении в исполнения соответствующего решения иностранного суда²³.

ГПЗ Китая не определяет понятия надлежащей связи (*appropriate connection*), но, как отмечено в китайской доктрине, понятие «надлежащая

---

²¹ Там же. С.385-386.

²² Там же. С.898-899.

²³ Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law// Netherlands International Law Review. 2023. Vol.70. Pp.205-249.

связь» должна иметь более широкое толкование по сравнению с понятием «тесная связь» («*the closest connection*»), которое предусмотрено в Китайском Законе в связи с применением права к трансграничным отношениям²⁴.

Тесная связь отмечена в Принципах транснационального гражданского процесса ALI / UNIDROIT (2004). Согласно п. 2.1. Принципов, юрисдикция в отношении стороны может быть осуществлена: во-первых, по согласию сторон на передачу спора в арбитраж, во-вторых, когда существует существенная связь между государством суда и стороной или сделкой или событием, являющимся предметом спора²⁵.

С одной стороны, гибкие правила в виде тесной связи дают правоприменительным органам возможность оперативного реагирования на изменения, связанные с развитием информационно-коммуникационных процессов. С другой стороны, отсутствие корректного толкования тесной связи повышает риск как необоснованного установления юрисдикции, так и необоснованного отказа в установлении юрисдикции.

Отсутствием определенности содержания тесной связи объясняется то, что такое основание установления международной судебной юрисдикции отсутствует в международных договорах с участием РФ.

В этой связи, вряд ли можно согласиться, что в международных договорах всегда закрепляются наиболее совершенные и современные правовые конструкции²⁶. Создание единых правовых моделей с неизбежностью носит компромиссный характер, учитывающий специфику стран, которые присоединяются к международным договорам. Тогда как задачи по пути достижения компромисса не во всех случаях «идут в ногу» с задачами по выработке наиболее прогрессивных механизмов правового регулирования.

---

²⁴ Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law// Netherlands International Law Review. 2023. Vol.70. Pp.205-249.

²⁵ ALI / UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure// URL: <http://www.unidroit.org/english/principles/civilprocedure/main.htm>.

²⁶ Бахин С. В. Правовые проблемы договорной унификации //Московский журнал международного права.2002. № 1. С. 139.

В то же время критерий «существенной связи» предусмотрен в Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г. (Россия не участвует) в качестве основания косвенной подсудности. Так, одним из условий признания и приведения в исполнение судебного решения является то, что предметом судебного решения является договорное обязательство, и оно вынесено судом Государства, в котором исполнение данного обязательства имело место или должно было иметь место в соответствии с (I) соглашением сторон, или (II) правом, применимым к договору, при отсутствии согласованного места исполнения, если только.

В результате, при признании и исполнении решении суд государства, где испрашивается соответствующее исполнение будет проверять, имела ли существенную связь деятельность ответчика в отношении сделки с государством, в котором вынесено соответствующее решение. При этом в Конвенции не указано по какому праву должна быть произведена оценка тесной связи. По праву государства вынесения решения или по праву государства, где испрашивается исполнение.

При этом, понятие «тесная связь» так же как и понятия территориальной и экстратерриториальной юрисдикции является семантически неустойчивым, ввиду своей гибкости и нечеткости. Как каждое государство придает свое содержание понятиям территориальной и экстратерриториальной юрисдикции, так и суды двух и более государств могут посчитать, что дело одинаково связано с территорией страны каждого из соответствующих судов. Особую значимость данный вопрос приобретает при рассмотрении трансграничных споров, вытекающих из отношений, которые реализуются в пространстве, не обнаруживающем каких-либо материальных признаков и осязаемой географической протяженности, когда минимальные виртуальные связи могут быть расценены судом как значимые и существенные.

Из чего можно заключить, что общие тенденции расширения оснований установления как юрисдикции государства, так и судебной юрисдикции, обостряют проблему устойчивости территориальной парадигмы юрисдикции в условиях цифровой реальности и делают необходимым установление единого системного восприятия гибких критериев юрисдикции, пришедших на смену жестким и определенным основаниям.

2. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОРЯДКИ НАПРАВЛЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СУДЕБНЫХ ПОРУЧЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевым условием эффективного международного судебного сотрудничества является отлаженный механизм исполнения трансграничных

судебных поручений. Под последним понимается один из видов международно-правовой помощи, выражающийся в форме запроса компетентного суда одного государства, обращённого к судам иностранного государства, о производстве определённых процессуальных действий на территории этого иностранного государства.

Согласно ст. 256 АПК РФ и ст. 407 ГПК РФ, российские суды исполняют поручения иностранных судов при наличии международного договора между запрашивающим и запрашиваемым государствами, а при их отсутствии поручение направляется в порядке международной вежливости. В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложнённых иностранным элементом» предусмотрено пять порядков направления поручений в зависимости от требований международных договоров и (или) арбитражного процессуального законодательства, а именно: путём непосредственного вручения участнику судебного разбирательства судебных документов, направленных по почте; непосредственно в компетентный суд государства исполнения поручения; непосредственно в центральные органы государства исполнения поручения; через территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации и Министерство иностранных дел Российской Федерации компетентному органу государства исполнения поручения; через центральные, территориальные и иные органы учреждений юстиции компетентному суду (органу) государства исполнения поручения²⁷.

Указанные механизмы межгосударственного судебного взаимодействия, заложенные в универсальных и региональных международных договорах (например, Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г.²⁸, Гагская конвенция о вручении за границей

---

²⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложнённых иностранным элементом»// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 8 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/ (дата обращения: 01.09.2025).

²⁸ Конвенция по вопросам гражданского процесса [рус., англ.] (Заклучена в г. Гааге 01.03.1954) (с изм. от

судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.²⁹, Гаагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г.³⁰, Соглашение стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» 1992 г.³¹, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.³²), а также в двусторонних договорах Российской Федерации о правовой помощи, предусматривают передачу документов преимущественно на бумажном носителе и не содержат положений о применении информационных технологий.

Определённым, хотя и сугубо декларативным, шагом вперёд можно считать Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., в ст. 6 которой использование видеосвязи и иных технических средств включено в объём правовой помощи³³. Однако данная норма не содержит детальной регламентации электронного взаимодействия судов, что не позволяет говорить о создании полноценного электронного механизма исполнения трансграничных судебных поручений.

Стоит обратить внимание, что на основе Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым

25.10.1980) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15358#IMGU3FUEN9fW04hy> (дата обращения: 01.10.2025).

²⁹ Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15.11.1965) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120864/ (дата обращения: 01.10.2025);

³⁰ Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 18.03.1970) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=3052#V1dr3FU9Ojtr9Q15> (дата обращения: 01.10.2025).

³¹ Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/ (дата обращения: 01.10.2025).

³² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 01.10.2025).

³³ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинёв, 7 октября 2002 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1161 (дата обращения: 01.08.2025).

делам 1965 г. и Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам 1970 г. к процессу направления трансграничных судебных поручений возможно применение электронных технологий. Однако данная возможность предусмотрена и в документах рекомендательного характера – в Практическом руководстве по применению Гаагской конвенции 1965 г.³⁴ и Рекомендациях Гаагской конференции по передовому опыту использования видеосвязи в соответствии с Гаагской конвенцией 1970 г.³⁵ Важно подчеркнуть, что отечественными судами указанные рекомендации по адаптации существующих механизмов межгосударственного взаимодействия судов к современному уровню технологического развития ещё не были восприняты.

Как показывает анализ российской и зарубежной судебной практики, используемые сегодня порядки направления трансграничных судебных поручений демонстрируют существенный разброс по срокам их исполнения: от относительно быстрого непосредственного сношения (2–6 месяцев) до более длительного взаимодействия через центральные органы (4–9 месяцев) и наиболее формализованного дипломатического порядка (6–12 месяцев). В этой связи легитимация электронного и цифрового порядков направления трансграничных судебных поручений предстаёт не только закономерным результатом развития информационных технологий, но и насущной необходимостью, обусловленной потребностями международного гражданского оборота.

При разграничении электронных и цифровых технологий в контексте их применения в праве учёные сходятся во мнении, что дифференциация проводится по качественным признакам: электронные технологии – это инструментарий для оптимизации существующих процессов, а цифровые

---

³⁴ Практическое руководство по применению Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 г. о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам / [пер. с англ. А. Н. Жильцов и др. ; отв. ред. А. Н. Жильцов]. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 320 с.

³⁵ Рекомендации Гаагской конференции по передовому опыту использования видеосвязи в соответствии с Гаагской конвенцией 1970 г. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/569cfb46-9bb2-45e0-b240-ec02645ac20d.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

технологии – новая среда, трансформирующая содержание правоотношений³⁶. В этом контексте различие между электронными и цифровыми технологиями заключается в следующем: первые обеспечивают базовую инфраструктуру для передачи и хранения данных, в то время как вторые предлагают дополнительные возможности обработки информации. Отечественные учёные отмечают, что в законодательстве Российской Федерации ссылки на термин «электронный» можно назвать устоявшимся и обозначающим форму представления информации, альтернативную бумажной³⁷.

Применение электронных технологий при направлении и исполнении трансграничных судебных поручений возможно в рамках адаптации действующих международных договоров по принципу «зонтичного» регулирования (по примеру ст. 20 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.³⁸). Цифровизация порядка направления и исполнения трансграничных судебных поручений проявляется в более глубокой трансформации порядков взаимодействия судов на международном уровне. Внедрение цифровых технологий требует разработки принципиально новой правовой основы.

Сущность цифровизации порядка направления и исполнения трансграничного судебного поручения проявляется в переводе существующих порядков направления и исполнения трансграничных судебных поручений на платформенные решения. Ключевыми элементами этого процесса выступают внедрение межгосударственных цифровых платформ, обеспечивающих прямое взаимодействие судов.

---

³⁶ Константинов, П. Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции): 5.1.3 : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2022. – С. 10–12, 42, 76–77, 142; Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права // Lex Russica. 2024. №9 (214). С. 116–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-v-sisteme-rossiyskogo-prava> (дата обращения: 12.09.2025).

³⁷ См. например: п. 11.1) ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/e5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 01.11.2024); Ст.160 и ст. 434 ГК РФ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 01.11.2024).

³⁸ Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901979209> (дата обращения: 21.09.2025).

Важным шагом в развитии электронного правосудия в России стало функционирование государственной автоматизированной системы «Правосудие», сервиса электронной подачи документов в арбитражные суды «Мой арбитр» и суперсервиса «Правосудие онлайн». Указанные системы обеспечивают возможность участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме весь объем процессуальных действий: подачу процессуальных документов, получение информации о движении дел, проведение судебных заседаний в формате видео-конференц-связи, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела в электронном виде и т.д. Несмотря на широкий функционал автоматизированных систем, в настоящее время их функционал ограничен внутренним судопроизводством и не предполагает обмена процессуальными документами между государствами.

Следовательно, выявлено системное противоречие между стремительной цифровизацией отечественного гражданского судопроизводства и архаичностью механизмов международного судебного взаимодействия. В то время как отечественная судебная система активно внедряет цифровые решения, трансграничное сотрудничество судов продолжает основываться на бумажном документообороте, свойственном докомпьютерной эпохе.

Вследствие этого для Российской Федерации представляется целесообразной разработка единого цифрового механизма трансграничного судебного сотрудничества по аналогии с моделями Европейского союза и Иберо-американского сообщества. Одним из вариантов решения указанной проблемы может стать разработка нового модуля для обмена трансграничными цифровыми судебными поручениями в рамках государственных информационных систем. Предлагаемый модуль представляет собой функциональную надстройку к уже существующим цифровым сервисам. Его внедрение создаст единое цифровое пространство, специально адаптированное для эффективного и безопасного взаимодействия

судов разных стран, и позволит перевести существующие бумажные процедуры на современные платформенные решения. Суть предлагаемого механизма заключается в том, чтобы разработать единое цифровое пространство, специально адаптированное для направления и исполнения трансграничных цифровых судебных поручений. Это позволит судам разных стран взаимодействовать эффективно и безопасно. В качестве правовой основы может выступить новый международный договор или рекомендательный акт (*soft law*). Наиболее перспективным вариантом видится создание конвенции в рамках БРИКС и ЕАЭС.

Для формирования целостного понимания проблемы необходимо обратиться к зарубежному опыту внедрения информационных технологий в процесс направления и исполнения трансграничных судебных поручений и перспектив взаимодействия государств посредством цифровых платформ.

Например, Европейская система *e-CODEX* (*computerised system for the cross-border electronic exchange of data in the area of judicial cooperation in civil and criminal matters* – с англ. «компьютеризированная система для трансграничного электронного обмена данными в сфере судебного сотрудничества по гражданским и уголовным делам», далее – *e-CODEX*), представляющая собой наднациональную платформу для электронного взаимодействия судебных органов государств-членов³⁹.

Правовую основу функционирования системы *e-CODEX* составляют следующие документы:

1. *Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2022/850 от 30 мая 2022 г. «О компьютеризированной системе трансграничного электронного обмена данными в сфере судебного сотрудничества по гражданским и уголовным делам (система e-CODEX), а также об изменении*

---

³⁹ Regulation (EU) 2022/850 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on a computerised system for the cross-border electronic exchange of data in the area of judicial cooperation in civil and criminal matters (e-CODEX system) and amending Regulation (EU) 2018/1726//ELI. <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/e-codex-computerised-system-for-the-cross-border-electronic-exchange-of-data-in-the-area-of-judicial-cooperation-in-civil-and-criminal-matters.html>

Регламента (ЕС) 2018/1726» является правовым фундаментом системы *e-CODEX*, которая состоит из двух программных элементов: шлюза для обмена сообщениями с другими шлюзами; и соединителя, который обеспечивает ряд функций, связанных с обменом сообщениями между национальными ИТ-системами. Администрирование системы возложено на *eu-LISA*⁴⁰.

2. *Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза № 2020/1783 от 25 ноября 2020 г. «О сотрудничестве между судами государств – членов ЕС при получении доказательств по гражданским или коммерческим делам (сбор доказательств)»* (далее – Регламент № 2020/1783). В п.1 ст. 3 указанного Регламента № 2020/1783 предусмотрено прямое взаимодействие «суд – суд» – запросы, указанные в пункте (а) статьи 1(1), передаются судом, в котором начато или планируется разбирательство («запрашивающий суд»), непосредственно в компетентный суд другого государства-члена («запрашиваемый суд») для получения доказательств. Если запрашиваемый суд не обладает юрисдикцией для исполнения запроса, он не позднее 7 дней с момента получения незамедлительно направляет запрос в компетентный суд своего государства-члена и одновременно уведомляет об этом запрашивающий суд. В ст. 5 и ст. 6 Регламента № 2020/1783 установлены обязательные требования к форме, содержанию и языку запросов о вручении судебных и внесудебных документов между государствами-членами ЕС⁴¹.

---

⁴⁰ Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС 2022/850 от 30 мая 2022 г. о компьютеризированной системе трансграничного электронного обмена данными в сфере судебного сотрудничества по гражданским и уголовным делам (система e-CODEX), а также об изменении Регламента (ЕС) 2018/1726 [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/405382511/> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴¹ Регламент № 2020/1783 Европейского парламента и Совета ЕС «О сотрудничестве между судами государств-членов ЕС при получении доказательств по гражданским или коммерческим делам (сбор доказательств)» [рус., англ.] (Вместе с <Формами Запроса, Уведомления, Ответа, Информации>, «Регламентом, признанным утратившим силу, со списком последующих изменений», «Корреляционной таблицей») (Принят в г. Брюсселе 25.11.2020) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=67550#vnZx3FUYzi09fDDK1> (дата обращения: 01.09.2025).

Процедура трансграничного получения доказательств инициируется с момента поступления запроса компетентному суду государства-члена. Данный механизм регламентирован ст. 4, ст. 9 и ст. 12 Регламента № 2020/1783. Получив запрос, запрашиваемый суд обязан в кратчайшие сроки, но не позднее 7 дней с даты его получения, направить запрашивающему суду подтверждение о получении, используя для этого стандартный формуляр. В случае соответствия запроса установленным требованиям фиксируется дата получения, которая считается началом отсчёта срока исполнения запроса. Если запрос не соответствует обязательным формальным требованиям (ст. 5 Регламента № 2020/1783), запрашиваемый суд не позднее 7 дней с момента получения не исполняет запрос, а возвращает его запрашивающему суду. Общий срок для исполнения запроса устанавливается в 90 дней с даты его получения компетентным судом.

В п.4 ст.12 Регламента № 2020/1783 указано, что запрашивающий суд может попросить запрашиваемый суд использовать конкретные коммуникационные технологии при сборе доказательств, в частности, с помощью видеоконференций или телеконференций. Запрашиваемый суд использует коммуникационную технологию если только это не будет несовместимо с его национальным законодательством или если запрашиваемый суд не может сделать это из-за серьёзных практических трудностей. В случае возникновения обстоятельств, препятствующих соблюдению 90-дневного срока на выполнение запроса, на запрашиваемый суд возлагается обязанность по немедленному информированию запрашивающего суда. В уведомлении должны быть указаны как причины задержки, так и новый предполагаемый срок исполнения запроса.

Стоит обратить внимание на ст. 29 Регламента № 2020/1783, которая устанавливает императивный приоритет положений указанного Регламента над любыми положениями двусторонних или многосторонних соглашений между государствами-членами, регулирующими вопросы, охватываемые сферой его применения. В частности, это относится к Гаагской

конвенции 1954 г. и Гаагской конвенции 1970 г. Данная норма вводит механизм автоматического замещения тех их положений, которые регулируют вопросы, охватываемые Регламентом № 2020/1783.

3. *Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза № 2020/1784 от 25 ноября 2020 г. «О вручении в государствах-членах ЕС судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим делам»* – регламентирует правила сотрудничества между судами различных государств-членов в отношении сбора доказательств в гражданских или коммерческих делах посредством безопасной и надёжной децентрализованной ИТ-системы, включающую, например, национальные ИТ-системы, которые являются взаимосвязанными и технически совместимыми, и без ущерба для дальнейшего технологического прогресса, основанного на системе e-CODEX⁴²;

4. *Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза №2023/2844 от 13 декабря 2023 г. «О цифровизации судебного сотрудничества и доступа к правосудию по трансграничным гражданским, коммерческим и уголовным делам и о внесении изменений в отдельные акты в области судебного сотрудничества, создающем единое цифровое пространство правосудия ЕС»*⁴³.

Ещё одним релевантным примером внедрения информационных технологий в процесс направления трансграничных судебных поручений выступает электронная платформа *Iber@*, действующая на основе Договора Медельина 2019 г. в Иберо-американских странах. Иберо-американское сообщество наций, объединяющее 22 государства Латинской Америки и Пиренейского полуострова на основе общей истории, культуры и языков

---

⁴²Regulation (EU) 2020/1784 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2020 on the taking of evidence in civil and commercial matters [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/1784/oj/eng> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴³ Regulation (EU) 2023/2844 on the digitalisation of judicial cooperation and access to justice in cross-Border civil, commercial and criminal matters, and amending certain acts in the field of judicial cooperation [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2844/oj/eng> (дата обращения: 01.09.2025).

разработало собственную модель международного судебного сотрудничества с применением информационных технологий.

Конференция министров юстиции Иbero-американских стран (англ. *Conferencia de Ministros de Justicia de los países Iberoamericanos, COMJIB*; далее – *COMJIB*) является международной межправительственной организацией, созданной в 1992 г. «Мадридским договором». *COMJIB* — это пространство для укрепления сотрудничества в области правосудия в Иbero-американском сообществе⁴⁴. Ключевым элементом цифровой трансформации правового сотрудничества в Иbero-американском пространстве стало принятие Договора об электронной передаче запросов о международном правовом сотрудничестве между центральными органами власти заключённый в городе Медельин в 2019 г. под эгидой *COMJIB* (далее – Медельинский договор 2019 г.)⁴⁵.

Основной целью Медельинский договора 2019 г., как закреплено в ст 1, является регулирование использования электронной платформы *Iber@* в качестве формального и предпочтительного средства передачи запросов о международной правовой помощи между центральными органами. Медельинский договор 2019 г. носит процессуальный характер и действует исключительно в рамках уже существующих договоров между сторонами. Важно отметить, что электронная платформа *Iber@* не создаёт новых оснований для сотрудничества, а выступает технологическим каналом для реализации действующих международно-правовых обязательств.

Придание платформе статуса «формального и предпочтительного средства» (англ. - *medio formal y preferente*) имеет ключевое юридическое значение. Согласно п.3 ст.3 Медельинского договора 2019 г., документация, передаваемая между центральными органами посредством электронной

---

⁴⁴ Red Iberoamericana de Cooperación Jurídica Internacional [Электронный ресурс]. – URL: <https://iberred.notariado.org> (дата обращения: 21.09.2025).

⁴⁵ Договор об электронной передаче запросов о международном правовом сотрудничестве между центральными органами власти 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://iberred.notariado.org/documents/35255/0/Tratado_Medellin_ES.pdf/d47f5aac-aeed-af57-452f-f008333f022f?t=1621331609173 (дата обращения: 21.09.2025).

платформы *Iber@*, будет считаться оригинальной и/или аутентичной для целей, предусмотренных в действующих договорах между сторонами. Электронная платформа *Iber@* является средством для электронной передачи, однако анализ содержания запросов выступает обязанностью компетентных органов. Передача запросов и их документации через электронную платформу *Iber@* не потребует дополнительных физических отправок⁴⁶. Указанное устраняет избыточные формальности и значительно ускоряет процедуру передачи процессуальных документов между государствами.

Принцип предпочтительности применения электронной платформы *Iber@* не означает абсолютной его обязательности, о чем указано в п. 1 ст. 4 Медельинского договора 2019 г. Однако, как только запрос был принят через электронную платформу *Iber@*, все последующие коммуникации, связанные с его исполнением, должны осуществляться через тот же канал, если только его природа или возникшие обстоятельства не диктуют иного (п. 2 ст. 4 Медельинского договора 2019 г.)⁴⁷.

Примечательной особенностью Медельинского договора 2019 г. является его открытый характер, что редкость для соглашений, разработанных в рамках региональных организаций. В п. 1 ст. 12 указано, что любое государство, не являющееся членом Конференции министров юстиции стран Иbero-Америки, может присоединиться к настоящему Договору после его вступления в силу в соответствии с положениями ст. 11 Медельинского договора 2019 г.

Как следует из новостной ленты на официальном сайте *IberRed* (англ. *Red iberoamericana de cooperación jurídica internacional*) 20 июня 2023 г. Республика Казахстан через своё посольство в Мадриде официально уведомила *COMJIB* о намерении присоединиться к Медельинскому договору 2019 г. Данный шаг имеет принципиальное значение для

---

⁴⁶ Договор об электронной передаче запросов о международном правовом сотрудничестве между центральными органами власти 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://iberred.notariado.org/documents/35255/0/Tratado_Medellin_ES.pdf/d47f5aac-aeed-af57-452f-f08333f022f?t=1621331609173 (дата обращения: 21.09.2025).

⁴⁷ Там же.

расширения сферы применения Договора, поскольку в случае завершения процедуры присоединения Казахстан станет первым государством-участником, не входящим в Иберо-американское пространство. Секретариат *COMJIB* и *IberRed* оказывают консультационную поддержку и другим государствам, рассматривающим возможность присоединения к этому механизму международной правовой помощи⁴⁸. На сегодняшний день присоединение не произошло.

Механизм присоединения к Медельинскому договору 2019 г. включает в себя гарантии для новых участников. Присоединение третьего государства будет иметь эффект только в отношениях между присоединяющимся государством и государствами-участниками, которые не заявят возражения в течение шести месяцев после получения уведомления, предусмотренного в ст. 11.4 Медельинского договора 2019 г. лишь в его отношениях с теми государствами-участниками, которые не выдвинули возражений в течение шести месяцев с момента получения уведомления о намерении присоединиться. Таким образом, каждый участник обладает правом вето в отношении установления договорных отношений с новым членом. Это позволяет контролировать круг субъектов, получающих доступ к защищённой технологической инфраструктуре электронной платформы *Iber@*, и обеспечивает взаимное доверие между сторонами Медельинского договора 2019 г.

Следовательно данная модель электронной платформы представляет собой гибридный подход: лежащий в её основе Медельинский договор 2019 г., будучи инициированным в рамках региональной организации (*COMJIB*),

---

⁴⁸ Red Iberoamericana de Cooperación Jurídica Internacional – URL: https://iberred.notariado.org/-/tratado-de-medell-c3-adn-un-avance-desde-iberoam-c3-a9rica-para-el-mundo?p_l_back_url=https%3A%2F%2Fiberred.notariado.org%2Fnoticias%3Fp_p_id%3Dcom_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_com_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet_redirect%3Dhttps%253A%252F%252Fiberred.notariado.org%252Fnoticias%253Fp_p_id%253Dcom_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet%2526p_p_lifecycle%253D0%2526p_p_state%253Dnormal%2526p_p_mode%253Dview%26_com_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet_mvcPath%3D%252Fsearch.jsp%26_com_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet_keywords%3DKazakhstan%26_com_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet_formDate%3D1761899726846%26_com_liferay_portal_search_web_portlet_SearchPortlet_scope%3Dthis-site (дата обращения: 21.09.2025).

содержит положения, допускающие расширение круга участников и эволюцию в более широкое многостороннее соглашение на основе взаимного согласия.

Детальный анализ положений договора положений Медельинского договора 2019 г. позволяет выявить последовательную имплементацию в его положениях модели «зонтичного принципа» (*umbrella principle*), заложенного также в ст. 20 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.⁴⁹ Однако предложенная Медельинского договора 2019 г. конструкция демонстрирует существенную эволюцию классического «зонтичного принципа» в контексте цифровизации международного судебного сотрудничества.

Во-первых, функциональное назначение рассматриваемого международного договора как «цифрового зонтика» непосредственно закреплено в его ст. 1, где установлено, что его предметом является регулирование использования электронной платформы *Iber@* «в рамках действующих договоров между Сторонами». Данная формулировка однозначно указывает на процессуальный характер Договора, который не создаёт самостоятельных оснований для сотрудничества, а служит технологическим дополнением к действующим договорам между государствами.

Во-вторых, сохранение материально-правового приоритета действующих договоров между Иbero-американскими странами обеспечивается положениями ст. 8 и ст. 9 Медельинского договора 2019 г. Согласно ст. 8 указанного договора, запросы о правовой помощи, передаваемые через электронную платформу *Iber@*, должны составляться в соответствии с действующими договорами между Сторонами. Аналогично, в п.1 ст. 9 Медельинского договора 2019 г. указано, что исполнение таких

---

⁴⁹Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901979209> (дата обращения: 21.09.2025).

запросов подчиняется положениям соответствующих действующих договоров.

Представляет научный и практический интерес исследование вопроса функциональной совместимости Иберо-американской электронной платформы *Iber@* и европейская системы *e-CODEX*. Актуальность данного анализа обусловлена тем, что ряд европейских государств, входящих в *COMJIB*, потенциально становятся пользователями обеих систем. Такая ситуация создаёт объективную необходимость их гармонизации.

Применение опыта зарубежных стран в рамках БРИКС и ЕАЭС выглядит особенно перспективным, поскольку в настоящее время в рамках сотрудничества стран БРИКС и ЕАЭС отсутствует единая система электронного или цифрового исполнения трансграничных судебных поручений. Взаимодействие между странами-участницами выстраивается преимущественно на основе существующий излишне формализованных порядков, основанных на бумажном документообороте (дипломатических каналах или взаимодействии через центральные органы). Несмотря на активное развитие национальных систем электронного правосудия в таких странах, как Россия, Китай, Индия и Бразилия, ключевым пробелом остаётся отсутствие международно-правовых норм, которые бы позволили и регламентировали использование этих систем для прямого трансграничного взаимодействия судов.

На современном этапе перед Россией открываются стратегические возможности для укрепления позиций в качестве одного из ключевых архитекторов формирующейся системы трансграничного цифрового взаимодействия компетентных органов различных государств в цифровой форме в рамках ЕАЭС и БРИКС.

Таким образом, следует констатировать наличие дисбаланса между прогрессирующей цифровизацией национальных судебных систем и сохраняющейся архаичностью межгосударственного судебного взаимодействия при направлении и исполнении трансграничных судебных

поручений. Несмотря на активное внедрение электронных и цифровых технологий во внутреннее судопроизводство государств, международное судебное сотрудничество продолжает основываться на избыточно формализованных процедурах бумажного документооборота. Потребность в правовой модели цифрового порядка направления и исполнения трансграничных судебных поручений за рубеж и из-за рубежа с использованием информационных технологий представляется системной необходимостью.

3. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРИЗНАНИЕ ДОКУМЕНТОВ, СОСТАВЛЕННЫХ И ВЫДАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВА, НА ТЕРРИТОРИИ ДРУГОГО ГОСУДАРСТВА: ИНИЦИАТИВА ПО ПЕРЕХОДУ НА ЭЛЕКТРОННЫЙ АПОСТИЛЬ (E-APP)

На протяжении долгого времени вопрос о признании документов, составленных и выданных на территории одного государства, на территории другого государства, являлся одним из наиболее актуальных, и в то же время сложных в международном гражданском процессуальном праве.

Проблема заключалась в том, что официальные документы, составленные и выданные в одной стране, обладали обязательной силой только на территории выдавшего их государства⁵⁰. Признание же их на

территории другой страны требовало их консульской или дипломатической легализации, то есть соблюдения формальной процедуры, предусматривающей удостоверение подлинности и подписи, полномочий лица, подписавшего документ, подлинности печати или штампа, которыми скреплен представленный на легализацию документ, и соответствия данного документа законодательству государства пребывания⁵¹. Указанная процедура зачастую была громоздкой, дорогостоящей, длительной, что существенно снижало ее эффективность и усложняло признание иностранных официальных документов за рубежом⁵².

В целях решения вышеуказанных проблем в рамках старейшей организации по международному частному праву – Гаагской конференции по международному частному праву (далее – Гаагская конференция по МЧП, НССН) - была принята Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 года (далее – Гаагская конвенция 1961 г.)⁵³, которая вступила в силу с 24 января 1965 г.

Из всех принятых Гаагской конференцией по МЧП (НССН) конвенций именно Гаагская конвенция 1961 г. является одной наиболее успешных, принятых под эгидой данной организации (что подтверждается числом ее участников)⁵⁴, и именно она чаще всего применяется на практике. Так, по состоянию на 5 ноября 2025 г. участниками данной Конвенции являются 128 государств⁵⁵, включая Российскую Федерацию, для которой она вступила в силу с 31 мая 1992 г.

Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018.

⁵¹ Цит. по: Международное частное право: учебник. Издание пятое, перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. Автор раздела по Международному гражданскому процессу – Л.В. Терентьева.

⁵² The E-Apostille Pilot Program of the HCCH and the NNA. Document drawn up by Christophe Bernasconi, First Secretary. Prel. Doc. No. 10. March 2006. – URL: https://assets.hcch.net/upload/wop/genaff_pd10e2006.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

⁵³ Convention of 5 October 1961 Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents. – URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=41> (дата обращения: 01.11.2025).

⁵⁴ Кашурин И.Н., Кленикова А.В. Апостиль в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 20.

⁵⁵ Convention of 5 October 1961 Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents. Status Table. – URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=41> (дата обращения: 01.11.2025).

Как отмечается в официальных комментариях к тексту Гаагской конвенции 1961 г., основной целью ее принятия стала отмена требования легализации (во всех государства-участниках, представляющих все основные правовые системы⁵⁶), прохождение которой зачастую представляло собой длительный и дорогостоящий процесс⁵⁷, и замена ее требованием о соблюдении единственной формальности – проставления апостиля⁵⁸ компетентным органом того государства, в котором соответствующий документ был выдан.

Исходя из текста Конвенции, она распространяется на следующие виды официальных документов:

а) документы, которые исходят от органа или должностного лица, подчиняющихся юрисдикции государства, включая документы, выданные прокуратурой, секретарем суда или судебным исполнителем;

б) административные документы;

в) нотариальные акты;

г) официальные пометки (например, отметки о регистрации, виды, подтверждающие определенную дату, и др.);

д) заверения подписи на документе, который не был засвидетельствован у нотариуса⁵⁹.

Изначально Конвенция предусматривала бумажный формат проставления апостиля и не предполагала применения для этого каких-либо информационно-коммуникационных технологий, что было характерно для времени ее принятия (1960-е годы). Однако с развитием информационно-коммуникационных технологий и их постепенным внедрением как в национальное, так и в международное гражданское судопроизводство⁶⁰,

---

⁵⁶ Кашурин И.Н., Кленикова А.В. Апостиль в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 20.

⁵⁷ Apostille Section. HCCH. – URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/apostille> (дата обращения: 01.11.2025).

⁵⁸ По своей сути апостиль представляет собой свидетельство, выданное в соответствии с Гаагской конвенцией 1961 г., и удостоверяющее происхождение официального документа.

⁵⁹ Цит. по: Международное частное право: учебник. Издание пятое, перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. Автор раздела по Международному гражданскому процессу – Л.В. Терентьева.

⁶⁰ Zupan M., Poretti P., Golub J. Circulation of Foreign Public Documents in the Digital Age from a Croatian Legal

возникла необходимость адаптации механизма апостилирования к новым реалиям в целях повышения эффективности и правовой безопасности указанного процесса⁶¹.

В связи с этим, вопрос о возможности использования информационных технологий для совершенствования применения Гаагской конвенции 1961 г. и о способах такого использования был рассмотрен на заседаниях Специальной комиссии по практическому применению Гаагской конвенции 1961 г. (2003 год)⁶² и Международного форума по электронному нотариальному заверению и электронному апостилю (2005 г.)⁶³.

В ходе проведения указанных заседаний и форума их участники пришли к следующим основным выводам:

- несмотря на прошедшее с момента ее принятия время, Гаагская конвенция 1961 г. по-прежнему сохраняет свою значимость и эффективность;

- в последние годы применение Гаагской конвенции 1961 г. имеет место в условиях значительного технического развития. При этом «современные технологии стали неотъемлемой частью современного общества, а их применение представляет собой реальную действительность»⁶⁴.

- «<...> дух и буква Гаагской конвенции 1961 г. не представляют никаких препятствий для использования современных технологий», как следствие, «применение и действие данной Конвенции могут быть

Perspective // Law in the Age of Digital Technologies. – URL: <https://libri.unimi.it/index.php/milanoup/catalog/download/215/1040/2415?inline=1> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶¹ Терновая О.А. Международные аспекты нотариальной деятельности. М.: Фонд развития правовой культуры. 2021; Шошин С.В. Электронный апостиль в современной России: миф или реальность // Основы экономики, управления и права. 2022. № 3 (34). С. 53-54; Бегичев А.В. Развитие электронного нотариата в Латвии, Литве и Эстонии // Нотариальный вестник. 2020. № 1. С. 42-52.

⁶² Special Commission on the practical operation of the Apostille, Service and Taking of Evidence Conventions. October-November 2003. Conclusions and Recommendations. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=9098&dtid=57> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶³ Данный форум был совместно организован Гаагской конференцией по МЧП (НССН) и Международным союзом латинских нотариусов (IULN) и проведен Национальной ассоциацией нотариусов (NNA). В работе указанного форума приняло участие более 170 представителей правительств различных стран (включая представителей компетентных органов, назначенных в соответствии с Гаагской конвенцией 1961 г.), экспертов в области нотариата, а также иных высокопоставленных должностных лиц из 31 государства. Выводы и рекомендации Форума доступны в разделе «Апостиль» на сайте NNA по адресу. – URL: www.nationalnotary.org (дата обращения: 01.11.2025).

⁶⁴ Hague Convention of 5 October 1961 Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents. Succinct explanations in preparation of the Special Commission. Drawn up by the Permanent Bureau. Prel. Doc. No. 3. August 2003. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/4ce5e150-6a0b-4572-9335-98cd7f0313cb.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

усовершенствованы с помощью таких технологий»⁶⁵. В частности, «использование таких технологий окажет положительное влияние на действие Конвенции, в том числе за счет снижения затрат и повышения эффективности проставления и регистрации апостилей»⁶⁶.

В заключение Специальная комиссия рекомендовала государствам-участникам Конвенции 1961 г. и Постоянному бюро Гаагской конференции по МЧП (НССН) двигаться в направлении разработки технологии для поколения электронных апостилей, учитывающих, в том числе положения типовых законов Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) об электронной торговле и электронных подписях, основанные на принципах недопущения дискриминации и функциональной равнозначности⁶⁷.

В целях реализации указанных рекомендаций по инициативе Гаагской конференции по МЧП (НССН) и Национальной Ассоциации нотариусов США (NNA), была инициирована работа по созданию Пилотной программы электронных апостилей (e-APP), которая была запущена в 2006 году⁶⁸.

Основной целью указанной Пилотной программы (e-Apostille Pilot Program) являлась активная поддержка разработки, внедрения и продвижения эффективных, малозатратных и безопасных моделей проставления и использования электронных апостилей (e-Apostilles, e-APP) и ведения электронных реестров апостилей (e-Registers)⁶⁹, которые будут доступны онлайн для всех заинтересованных лиц, позволяя им проверить

---

⁶⁵ Conclusions and Recommendations adopted by the Special Commission on the Practical Operation of the Hague Apostille, Evidence and Service Conventions. October / November 2003. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/0edbc4f7-675b-4b7b-8e1c-2c1998655a3e.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶⁶ Hague Convention of 5 October 1961 Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents. Succinct explanations in preparation of the Special Commission. Drawn up by the Permanent Bureau. Prel. Doc. No. 3. August 2003. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/4ce5e150-6a0b-4572-9335-98cd7f0313cb.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶⁷ Заключение и рекомендации, принятые Специальной комиссией по практическому применению Гаагских конвенций об апостиле, получении доказательств, вручении документов (28 октября – 4 ноября 2003 г.). – URL: <https://assets.hcch.net/docs/91492bf0-5f19-4b63-b9e5-85c794586d8f.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶⁸ Van Loon H. The Hague Conference on Private International Law: Work in Progress (2003-2004) // Yearbook of Private International Law. 2005. № 237. P. 245.

⁶⁹ The E-Apostille Pilot Program of the HCCN and the NNA. Doc. Prel. No. 10. March 2006. – URL: https://assets.hcch.net/upload/wop/genaff_pd10e2006.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

происхождение полученных ими бумажных или электронных апостилей⁷⁰. Ввиду успешности данной программы слово «экспериментальная» было убрано из названия e-APP в январе 2012 года, и теперь название звучит просто: «программа проставления электронных апостилей».

В настоящее время Программа e-APP включает в себя два компонента:

- 1) компонент «e-APP», предполагающий выпуск электронных апостилей;
- 2) компонент «e-Register», предполагающий создание и ведение электронных реестров апостилей.

Государства-участники Гаагской конвенции 1961 г. свободны в выборе варианта внедрения указанных компонентов в своей юрисдикции. При этом каждый из указанных компонентов независим от другого. Соответственно, они могут внедрить как один, так и оба компонента Программы по своему усмотрению.

Несмотря на то, что государствам-участникам Гаагской конвенции 1961 г. рекомендовано использовать оба компонента Программы, в настоящее время число государств, создавших электронные реестры апостилей, существенно превышает число государств, в которых возможно проставление апостиля в электронном виде. Так, по состоянию на 20 октября 2025 г. из 128 государств-участников Конвенции, 56 внедрили электронный реестр. Из них лишь 35 государств предусмотрели возможность электронного апостиля. Среди них: Аргентина, Армения, Австрия, Бахрейн, Бангладеш, Бельгия, Боливия, Бразилия, Болгария, Чили, Китай (включая Гонконг), Колумбия, Дания, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Эстония, Франция, Грузия, Греция, Гватемала, Израиль, Казахстан, Республика Корея, Латвия, Республика Молдова, Монголия, Новая Зеландия, Панама, Перу, Филиппины, Российская Федерация, Сингапур, Словения, Испания, Турция, Великобритания, США (штаты Коннектикут, Юта и Вашингтон; штат

---

⁷⁰ Кашурин И.Н., Кленикова А.В. Апостиль в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 25.

Кентукки, штат Монтана, штат Род Айленд, штат Юта), Уругвай, Узбекистан⁷¹.

Рассмотрим указанные компоненты подробнее.

Электронный апостиль (e-APP). Первый компонент e-APP заключается в разработке модели для проставления электронных апостилей компетентными органами. По своей сути электронный апостиль (e-APP) представляет собой апостиль в электронной форме с приложением электронной цифровой подписи, создаваемый посредством специального программного обеспечения (как правило, Adobe® Acrobat®, текстового редактора PDF) и технических средств, направляемый, например, по электронной почте, и доступный для скачивания⁷². В случае составления электронного апостиля с использованием PDF, он может быть объединен с электронным официальным документом в единый документ в формате PDF. Еще одним возможным вариантом предоставления электронного апостиля является его присоединение к электронному официальному документу в качестве отдельного файла. При этом важно учитывать, что выпуск апостиля в электронной форме не является основанием для отказа в его принятии.

Ввиду отсутствия у апостиля даты истечения срока, электронные апостили сохраняют свой юридический эффект даже после истечения срока действия цифрового сертификата лица, которое его подписало (при условии, что такой сертификат являлся действительный в момент выпуска электронного апостиля).

Как показывает практика, основными преимуществами присоединения государства к Программе электронного апостиля (e-APP) являются:

1) повышение эффективности, прозрачности (транспарентности), надежности и стоимости процесса апостилирования, что будет способствовать

---

⁷¹ HCCH. E-Apostille Programme. Implementation Chart of the e-APP. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/e8e7549d-e34a-452f-9fa3-cf2241aa4197.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

⁷² Кашурин И.Н., Кленикова А.В. Апостиль в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 25.

повышению эффективности практического применения Гаагской конвенции 1961 г.;

2) ускорение процесса выпуска и обращения апостилей за счет сокращения времени на оформление документов;

3) снижение административной нагрузки на компетентные органы за счет устранения необходимости физического прикрепления, подписания и скрепления апостилей печатью;

4) снижение вероятности возникновения задержек, сопутствующих оформлению апостиля в обычной (не электронной) форме;

5) упрощение и повышение доступности процесса подачи заявлений, что обеспечивается интеграцией удобного для пользователей интерфейса и отсутствием необходимости личного посещения соответствующего государственного органа, что предполагает предоставление пользователям возможности подачи заявления в компетентный орган в диалоговом режиме и выдачи апостиля заявителю онлайн⁷³;

6) упрощение процесса отслеживания и ведения учета, а также обеспечение легкого доступа к информации об апостилях и возможности для их проверки;

7) повышение безопасности выдачи и использования апостилей (то есть обеспечение гарантии подлинности электронного апостиля) за счет использования технологий, гарантирующих, что документ не был подделан с момента его выдачи, и до его предоставления в государстве, в котором он должен быть предъявлен⁷⁴;

8) упрощение процесса передачи официальных документов за счет использования электронной связи;

9) минимизация риска потери документов благодаря их хранению и передаче в электронной форме;

---

⁷³ Кашурин И.Н., Кленикова А.В. Апостиль в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 25.

⁷⁴ 13th International Forum on the electronic Apostille Programme (e-APP). Conclusions & Recommendations (C&R). – URL: <https://assets.hcch.net/docs/664c74fd-ea34-4b90-9f27-94cab6f78510.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

10) обеспечение гарантии подписания электронного апостиля компетентным органом.

Учитывая все вышеуказанные преимущества использования электронного апостиля, в настоящее время возможность его оформления предусмотрена в целом ряде государств, таких как Аргентина, Армения, Австрия, Бельгия, Бразилия и др. Кроме того, наблюдается рост популярности использования электронных апостилей. Так, по данным Гагской конференции по МЧП (НССН), на долю электронных апостилей приходится около 10%, и эта цифра постоянно увеличивается⁷⁵.

Несмотря на очевидные преимущества программы электронного апостиля (e-Apostille), ее внедрение и практическое применение сопряжены с рядом сложностей как правового, так и технического характера. Наиболее важными среди них являются:

1) добровольность участия государств в программе e-App, что ведет к неоднородности практики применения e-APP в разных странах. Рекомендательный характер Руководства Гагской конвенции по МЧП по применению e-APP означает, что даже те государства, которые являются участниками Гагской конвенции 1961 г., не обязаны внедрять электронный апостиль и электронные реестры. В результате одни страны используют цифровые решения, обеспечивающие возможность подачи и проставления апостилей в цифровом виде, в то время как другие продолжают проставлять апостиль исключительно в бумажном виде, обосновывая это наличием юридических, технических и организационных ограничений.

2) отсутствие единых технических требований, предъявляемых к форме, содержанию и проверке электронных апостилей. В результате в практике иностранных государств используются разные форматы электронных документов, типы электронных подписей и способы прикрепления апостиля к официальному документу, что существенно затрудняет проведение

---

⁷⁵ НССН, '12th International Forum on the electronic Apostille Program (e-APP)' (2021) 12 accessed 21 January 2024.

проверки их подлинности (особенно в том случае, когда государство, в котором должен быть предоставлен соответствующий документ, не знакома с конкретным форматом).

3) обеспечение безопасности и проблемы доверия к электронным подписям. Как уже отмечалось, проставление электронного апостиля предполагает использование электронных подписей. Однако ввиду существенных различий в национальном законодательстве иностранных государств такие подписи не всегда признаются в другой стране. Не меньшей проблемой является отсутствие транспарентности (прозрачности) источника цифрового сертификата, что в конечном итоге может привести к невозможности принятия документа за рубежом, и, как следствие, подрвать доверие к электронному апостилю.

4) ограниченная доступность полного функционала e-APP, что обусловлено тем фактом, что не все государства внедрили оба элемента программы e-APP (электронные апостили и электронные публичные реестры для их проверки). В итоге в указанных странах электронный апостиль используется параллельно с бумажным, а выбор между ними зависит от органа, который должен его проставить. Кроме того, в законодательстве отдельных государств прямо предусмотрено, что электронный апостиль может проставляться только для определенных видов документов.

5) возможность возникновения технических (например, таких как отсутствие ссылки на официальный электронный реестр или неправильный QR-код) и юридических проблем при проверке электронного апостиля, обусловленная отсутствием централизованной международной платформы для верификации электронных апостилей.

Электронный реестр апостилей (e-Register). Вторым компонент Программы электронного апостиля заключается в разработке модели электронного реестра, который могут использовать компетентные органы для регистрации выданных ими апостилей. Электронный реестр представляет собой ряд электронных записей, доступных в онлайн-режиме (онлайн-реестр

апостилей, как в бумажной, так и в электронной форме), и позволяющих мгновенно проверить происхождение проставленного на официальном документе апостиля.

Согласно ст. 7 Гаагской конвенции 1961 г., в таком реестре указываются следующие сведения: имя; № и дата проставления апостиля; имя и должность подписавшего документ лица, что позволяет получателям апостилей эффективно и оперативно проверять их подлинность, вне зависимости от того, был ли такой апостиль выпущен в письменной или электронном виде. При этом Гаагская конвенция 1961 г. позволяет государствам-участникам вести соответствующие реестры как в письменной (в виде картотеки), так и в электронном виде. В первом случае каждый компетентный орган ведет свой собственный реестр выданных им апостилей, электронные же реестры могут быть предназначены для использования несколькими компетентными органами.

К числу основных преимуществ электронных реестров относят⁷⁶:

1) повышение доступности, поскольку электронные реестры позволяют пользователям проверять апостили напрямую, без помощи компетентного органа, выдавшего документ, что расширяет права пользователей и упрощает процесс проверки;

2) электронные реестры обеспечивают своевременный доступ независимо от рабочего времени или разницы во времени.

3) электронные реестры сокращают необходимость ручного ответа на запросы об апостилях, высвобождая ценные ресурсы и позволяя органам власти сосредоточиться на других важных задачах.

4) цифровой характер электронных реестров обеспечивает долговечность и доступность записей, сохраняя важную информацию для будущего использования;

---

⁷⁶ Apostille Handbook. Practical Handbook on the Operation of the Apostille Convention. Hague Conference of Private International Law. The Hague, the Netherlands, 2023. – URL: <https://www.marinacastellaneta.it/blog/wp-content/uploads/2023/01/apostille.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

5) сокращение числа отказов в случае незначительных формальных дефектов.

Техническое администрирование и поддержку Программы e-APP осуществляют Постоянное бюро Гаагской конференции по МЧП (НССН) и Национальная нотариальная ассоциация Соединенных Штатов Америки (NNA).

Первоначально рассматриваемая Программа была запущена на заседании Специальной комиссии по общим вопросам и политике Гаагской конференции по МЧП в 2006 году и была рассчитана на 4 года, а ее конечной целью являлось к концу последнего, четвертого года:

- обеспечение компетентными органами государств-участников Гаагской конвенции 1961 г. возможности выпуска апостилей в электронном виде и/или ведение ими электронных реестров апостилей;
- принятие большинством государств-участников Гаагской конвенции 1961 г. электронных апостилей.

Как уже отмечалось, ввиду успешности данной программы она была продлена, а в целях обсуждения наилучших практик ее внедрения и обмена опытом, под эгидой Гаагской конференции по МЧП (НССН) проводятся международные форумы по вопросам электронного нотариата и электронных апостилей. По состоянию на 5 ноября 2025 г. было проведено 13 таких форумов, собравших представителей государственных органов более чем из 50 стран⁷⁷.

---

⁷⁷ НССН. E-APP. 7th International Forum on the e-APP – Announcements. 14 – 15 June 2012 – Izmir, Turkey. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=5540&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025); 8th International Forum on the e-APP – Announcements. Montevideo, Uruguay, 17 – 18 October 2013. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=4947&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025); 9th International Forum on the e-APP. Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China, 9 – 10 October 2014. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6138&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025); 10th International Forum on the electronic Apostille Program (e-APP). 1 November 2016. The Hague, the Netherlands. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6525&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025); 11th International Forum on the electronic Apostille Program (e-APP). 16 – 18 October 2019. Fortaleza, Brazil. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6645&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025); 12th International Forum on the electronic Apostille (e-APP). 4 October 2021. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=8500&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025); 13th International Forum on the electronic Apostille Programme (e-APP). Astana, Kazakhstan 21 -22 October 2024. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=9003&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025).

Так, в ходе Тринадцатого международного форума, посвященного Программе электронного апостиля (e-APP), было указано, что «исходя из принципа функциональной эквивалентности, законно выданные электронные апостили должны приниматься всеми государствами-участниками Проекта так же, как и бумажные апостили»⁷⁸.

В ходе Четырнадцатого международного форума, его участники отметили⁷⁹:

- увеличение количества электронных официальных документов, выпускаемых в мире;

- существование в мире двух разных систем выпуска электронных апостилей, используемых государствами-участниками Гаагской конвенции 1961 г.: а) динамическая система, предполагающая использование электронного файла, содержащего электронный апостиль и электронный официальный документ, и передаваемого из государства происхождения в государство назначения; б) статистическая система, предполагающая, что электронный файл находится в хранилище компетентного органа⁸⁰.

В целях дальнейшего изучения применения новых технологий к электронным апостилям (e-APP) в 2020 году по инициативе Совета по общим вопросам и политике (CGAP) в рамках Гаагской конференции по МЧП (НССН) была созвана Группа экспертов по электронным апостилям и новым технологиям (Experts` Group on the e-APP and New Technologies)⁸¹, что ознаменовало включение данного вопроса в план рабочей программы Гаагской конференции по МЧП (НССН). Основной задачей указанной Группы являлось изучение вопроса о том, может ли более широкое использование

01.11.2025).

⁷⁸ 13th International Forum on the electronic Apostille Programme (e-APP). Conclusions & Recommendations (C&R). – URL: <https://assets.hcch.net/docs/664c74fd-ea34-4b90-9f27-94cab6f78510.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

⁷⁹ 9th International Forum on the e-APP. Hong Kong Special Administrative Region of the People`s Republic of China, 9 – 10 October 2014. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6138&dtid=49> (дата обращения: 01.11.2025).

⁸⁰ Любимов А.П. Электронный апостиль на официальных документах органов иностранных государств // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2018. № S1. С. 32.

⁸¹ НССН. Experts` Group on the e-APP and New Technologies. 3 – 6 May 2021. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=9101&dtid=63> (дата обращения: 01.11.2025).

новых технологий (включая технологию распределенного реестра (DLT)) способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию Программы электронного апостиля (e-APP), в том числе в части электронных реестров.

Итогом работы данной Группы стал документ, получивший наименование «Руководство по применению электронного апостиля (e-APP)»⁸² (опубликованный в качестве приложения к Отчету Группы)⁸³, содержащее наилучшие международные практики и рекомендации по технической реализации и обеспечению безопасности. Рекомендательный характер указанного Руководства обуславливает полную свободу действий государств-участников Гаагской конвенции 1961 г. при реализации компонентов электронного апостиля в соответствии с действующим у них законодательством, в том числе в области конфиденциальности и защиты данных. Согласно указанному документу:

1. Электронные апостили и связанные с ними услуги должны быть доступны всем пользователям. Рекомендуемые практики включают:

а) предоставление заявителям рекомендаций по оказанию услуг по проставлению электронного апостиля;

б) оптимизацию онлайн-подачи заявлений на электронный апостиль;

с) выдачу электронных апостилей в течение одного рабочего дня с момента подачи заявления;

д) использование форматов файлов, совместимых с широко используемым программным обеспечением и веб-браузерами.

е) обеспечение максимального соответствия Типовому апостилю.

2. Компетентные органы должны сохранять целостность электронного апостиля и основного официального документа, к которому он относится.

Рекомендуемые практики включают:

---

⁸² The e-APP: Key Principles and Good Practices. – URL: https://www.notarypublic.ie/wp-content/uploads/2024/12/The-e-APP_Key-Principles-and-Good-Practices.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

⁸³ Report from the Chair on the Experts' Group on the e-APP and New Technologies. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/b94fadf7-ba82-42d9-bdbb-f8088b040273.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

- a) выдачу электронного апостиля для тех случаев, когда основным официальным документ оформлен в электронном виде;
- b) объединение электронного апостиля и основного официального документа в один файл;
- c) сохранение первоначальной электронной подписи на основном официальном документе при выдаче электронного апостиля;
- d) сохранение электронной подписи и электронного формата электронного апостиля при представлении в получающий орган;
- e) сохранение действительности электронных подписей и электронных апостилей с течением времени;
- f) обеспечение сквозного доступа для обеспечения возможности выдачи и использования услуг, связанных с электронным апостилем, только уполномоченными лицами.

3. Электронные реестры должны способствовать частой и надежной проверке апостилей. Рекомендуемая практика включает:

- a) наличие единого электронного реестра для всех апостилей, независимо от формата или выдавшего их компетентного органа, в каждом государстве-участнике Гаагской конвенции 1961 г., присоединившемся к Пилотной программе;
- b) предоставление рекомендаций по доступу к электронному реестру и его использованию, включая добавление этой информации к апостилям;
- c) отображение визуальной проверки апостиля в том виде, в котором он был выдан;
- d) хранение информации об апостилях в электронном реестре в течение неопределенного срока.

4. Наличие у государств-участников Гаагской конвенции 1961 г. присоединившихся к Пилотной программе, систем, облегчающих принятие электронных апостилей, что предполагает:

- a) добавление в электронные апостили информации, предписывающей пользователям сохранять электронный формат файла;

b) обеспечение совместимости правовых рамок и процедур с принятием электронных апостилей и получением официальных документов в электронной форме;

c) разрешение трудностей, связанных с принятием электронных апостилей и получением электронных официальных документов, непосредственно с органами государств-участников Гаагской конвенции 1961 г., выдавшей апостиль, включая информирование Постоянного бюро Гаагской конференции по МЧП (НССН) о системных проблемах.

5. Компетентные органы государств-участников Гаагской конвенции 1961 г. должны регулярно обновлять и совершенствовать свою практику использования апостиля, включая инфраструктуру электронных апостилей. Это предполагает:

a) информирование Постоянного бюро Гаагской конференции по МЧП (НССН) о любых изменениях, связанных с выдачей электронных апостилей и функционированием электронных реестров;

b) рассмотрение вопроса о том, могут ли технические разработки и разработки в области безопасности, включая соответствующие региональные и международные стандарты, улучшить существующие технологии.

В Российской Федерации возможность проставления апостиля в электронном виде предусмотрена п. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 28 ноября 2015 г. № 330-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации»⁸⁴, согласно которому «<...> Правительством Российской Федерации могут быть установлены особенности обращения с запросом о проставлении апостиля, <...> в электронном виде и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ведения реестра апостилей в электронном виде, обеспечения дистанционного доступа к сведениям в проставленных апостилях».

---

⁸⁴ Федеральный закон от 28.11.2015 г. № 330-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.11.2015. № 48 (часть I). Ст. 6696.

Соответствующее положение конкретизировано в Постановлении Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 436⁸⁵, в соответствии с которым «запросы о проставлении апостиля в электронном виде <...> могут направляться <...> в том числе через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» <...>», и подписываются «посредством усиленной квалифицированной электронной подписи <...>». Проверка документов осуществляется посредством системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), способствующей сокращению сроков и повышению надежности обработки заявлений.

Форма запроса на проставление апостиля в электронном виде утверждена Приказом Минюста России от 13 мая 2022 г. № 69⁸⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный авторами настоящего Аналитического доклада исследования, позволил сделать следующие основные выводы:

1. В современную эпоху пространственные пределы юрисдикции государства определяются не только по территориальному контуру, но и на основе гибких оценочных критериев, представляющих собой значимые ключевые интересы государства, в частности, в отношении информации, хранящейся на иностранных серверах, данных, обрабатываемых на территории другого государства, и т.п.

2. Общие тенденции расширения оснований установления как юрисдикции государства, так и судебной юрисдикции, обостряют проблему

---

⁸⁵ Постановление Правительства РФ от 20.03.2021 г. № 436 «Об утверждении Положения об особенностях обращения с запросом о проставлении апостиля, проставления апостиля и направления запросов, предусмотренных статьей 9 Федерального закона «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации», в электронном виде и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ведения реестра апостилей в электронном виде, обеспечения дистанционного доступа к сведениям о проставленных апостилях» // Собрание законодательства РФ. 29.03.2021. № 13 (часть II). Ст. 2262.

⁸⁶ Форма: Запрос о проставлении апостиля в электронном виде на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации, через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для физических и юридических лиц (Приказ Минюста России от 13.05.2022 г. № 69) // СПС «КонсультантПлюс».

устойчивости территориальной парадигмы юрисдикции в условиях цифровой реальности и делают необходимым установление единого системного восприятия гибких критериев юрисдикции, пришедших на смену жестким и определенным основаниям.

3. На современном этапе перед Российской Федерацией открываются стратегические возможности для укрепления позиций в качестве одного из ключевых архитекторов формирующейся системы трансграничного цифрового взаимодействия компетентных органов различных государств в цифровой форме в рамках ЕАЭС и БРИКС.

4. На современном этапе следует констатировать наличие дисбаланса между прогрессирующей цифровизацией национальных судебных систем и сохраняющейся архаичностью межгосударственного судебного взаимодействия при направлении и исполнении трансграничных судебных поручений. Несмотря на активное внедрение электронных и цифровых технологий во внутреннее судопроизводство государств, международное судебное сотрудничество продолжает основываться на избыточно формализованных процедурах бумажного документооборота. Потребность в правовой модели цифрового порядка направления и исполнения трансграничных судебных поручений за рубеж и из-за рубежа с использованием информационных технологий представляется системной необходимостью.

5. Одной из тенденций развития международного гражданского процесса в условиях цифровизации является стремление государств к внедрению Программы электронного апостиля (e-APP), включающей два самостоятельных компонента, которые могут применяться как совместно, так и по отдельности: 1) электронного апостиля; 2) электронного реестра апостилей.

Внедрению указанных компонентов в законодательство более чем 50 государств обусловлено преимуществами их использования, основными из которых являются:

а) применительно к электронному апостилю:

i) повышение эффективности, прозрачности (транспарентности), надежности и стоимости процесса апостилирования, что будет способствовать повышению эффективности практического применения Гаагской конвенции 1961 г.;

ii) ускорение процесса выпуска и обращения апостилей за счет сокращения времени на оформление документов;

iii) снижение административной нагрузки на компетентные органы за счет устранения необходимости физического прикрепления, подписания и скрепления апостилей печатью;

iv) снижение вероятности возникновения задержек, сопутствующих оформлению апостиля в обычной (не электронной) форме;

v) упрощение и повышение доступности процесса подачи заявлений;

vi) упрощение процесса отслеживания и ведения учета, а также обеспечение легкого доступа к информации об апостилях и возможности для их проверки;

vii) повышение безопасности выдачи и использования апостилей;

viii) упрощение процесса передачи официальных документов за счет использования электронной связи;

ix) минимизация риска потери документов благодаря их хранению и передаче в электронной форме;

x) обеспечение гарантии подписания электронного апостиля компетентным органом.

б) применительно к электронным реестрам:

i) повышение доступности, поскольку электронные реестры позволяют пользователям проверять апостили напрямую, без помощи компетентного органа, выдавшего документ, что расширяет права пользователей и упрощает процесс проверки;

ii) электронные реестры обеспечивают своевременный доступ независимо от рабочего времени или разницы во времени;

iii) электронные реестры сокращают необходимость ручного ответа на запросы об апостилях, высвобождая ценные ресурсы и позволяя органам власти сосредоточиться на других важных задачах;

iv) цифровой характер электронных реестров обеспечивает долговечность и доступность записей, сохраняя важную информацию для будущего использования;

v) сокращение числа отказов в случае незначительных формальных дефектов.